

П. Уоддингтон

**СКРОМНЫЙ БАНКЕТ В КЛУБЕ ИСКУССТВ,
или
Как Вильям Рольстон Шедден-Рольстон дал большой обед
для 16-ти литераторов в Лондоне 22 октября 1881 года
в честь Ивана Сергеевича Тургенева***

Часть I

1881 год был в жизни писателя И. С. Тургенева годом «климатерическим». Он совпал с каким-то нелепым нумерологическим предсказанием его покойной матери, которой задолго до этого приснилось, что год его рождения 1818 роковым образом складывается в 1881. Тургенев не только неоднократно заявлял, что умрет в этот год, но даже заключил пари на 1 октября как точную дату своей смерти.¹ Не ясно, имел ли

* Настоящая работа является переводом части статьи П. Уоддингтона «A Modest Little Banquet at the Arts Club or, How William Ralston Shedden-Ralston Gave a Grand Dinner Party for Sixteen Literary Men in London on 22 October 1881 to Honour Ivan Sergeevich Turgenev», опубликованной в 2001 г. (Pinehaven, New Zealand). — *Примеч. переводчика.*

¹ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 167, 323; Т. 13. Кн. 1. С. 125, 179; ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 95; *Nouv. corr. inéd.* Т. 1. P. 307. О более раннем «климатерическом» периоде в жизни Тургенева, в 1867 г., см.: ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 158, 161, а также ср.: Там же. Соч. Т. 8. С. 232. Здесь необходимо отметить, что в настоящем исследовании собраны, с исправлениями и дополнениями, материалы, ранее опубликованные мною в следующих работах (указаны в хронологическом порядке): Turgenev and Trollope: Brief Crossings of Paths // AUMLA: Journal of Australasian Universities Language and Literature Association. 1974. November. N 42. P. 199—201; Turgenev and England. London, 1980. P. 280—281, 285—288 и примеч.: P. 306—307; Some Salient Phases of Turgenev's Critical Reception in Britain. Part II: 1870—1883 // New Zealand Slavonic Journal. 1981. N 1. P. 36—39 и примеч.: P. 51; раздел «More Echoes of Turgenev's Last Visit to England (1881)» в ст.: Some Gleanings on Turgenev and his International Connections, with Notes on Pauline Viardot and her Family // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 203—205; Browning and Russia.

он в виду русский (юлианский) или западный (грегорианский) календарь, но в действительности он пережил обе даты. А ночью 14 октября н. ст. совершил переправу через пролив, отправившись из Франции в путешествие, которому суждено было стать его последним приездом в Англию. Правда, страшный, разрушительный шторм разразился тогда в Ла-Манше перед его приездом, и он, возможно, чувствовал занесенный над его головой Дамоклов меч вплоть до дня своего рождения 9 ноября н. ст.² Конечно, подавленное настроение Тургенева, вызванное суеверием, не могла рассеять ни одна из целей визита, ради которых он переправлялся в Англию, а именно — посетить братьев по перу в столице и пострелять куропаток в имении Six Mile Bottom в Кембриджшире вместе с хозяином имения Вильямом Генри Холлом (ранее Баллок; 1837—1904): за городом он стрелял «как сукин сын», а его пребывание в Лондоне было несколько омрачено грустной и одинокой фигурой его переводчика Вильяма Рольстона Шедден-Рольстона (1828—1889).³

Тургенев до этого неоднократно приезжал в Англию, где его в целом хорошо принимали в лондонском обществе и в других местах. Среди его наиболее знаменитых литературных знакомых были Карлейль, Теккерей, Джордж Элиот, Теннисон, Браунинг и Д.-Г. Россетти. Тем не менее в течение нескольких предшествовавших лет отношения Тургенева с британскими писателями главным образом поддерживались, а в некоторых случаях даже инспирировались усилиями критика, фольклориста и слависта Вильяма Рольстона.

Рольстон был довольно эксцентричным, но добрым и скромным человеком, чьи личные неурядицы и разочарования часто давали о себе знать. Он всячески старался не допускать их проникновения в свою работу, и, несмотря на некоторые затруднения преимущественно бюро-

Waco (Texas), 1985. P. 50—51; раздел «Wilkie Collins on Turgenev» в ст.: More Turgenev Gleanings // New Zealand Slavonic Journal. 1988. Part II. P. 104—105; Ivan Turgenev and Britain. London, 1995. P. 42—45 и примеч.: P. 257.

² О датировке путешествия Тургенева в Англию, а также о том, чем он мог заниматься во время своего пребывания там, см.: ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 131—134, 139; Waddington P. Turgenev and England. P. 280—285; Illustrated London News. 1881. October 22. P. 406—407. Как это часто случалось, Тургенев сообщил одному корреспонденту, что его пребывание в Англии длилось две недели, а другому — только одну неделю. Что касается времени приезда, то известно, что он не мог состояться ранее пятницы 14 октября, когда Тургенев отправил письмо из Буживаля. Поскольку шторм, который Тургеневу, по его собственным словам, едва удалось избежать («как раз проскочил через море после ужасной бури»), буйствовал преимущественно в четверг ночью 13 октября и стих в продолжение пятницы, вероятно, писатель покинул Францию в тот же вечер, в пятницу.

³ ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 139, 141. О жизни и деятельности Рольстона см., напр.: Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994 (далее — Алексеев, Левин, с указанием страницы); Waddington Patrick. A Bibliography of the Writings of W. R. S. Ralston (1828—1889) // New Zealand Slavonic Journal. 1980. N 1. P. 1—15, а также положившую начало изучению этой темы докторскую диссертацию Вернера Лаутера: Lauter Werner. Die Bedeutung von W. R. S. Ralston als Vermittler russischer Literatur nach England. Marburg, 1962.

кратического характера, его служба в качестве библиотекаря Британского музея с 1853 по 1875 годы протекала довольно гладко и позволила ему преуспеть как литератору. Он много путешествовал по России, хорошо изучил русский язык, встречался и переписывался с ведущими русскими специалистами по фольклору и филологии, а также написал много тонких статей о русской жизни и русской цивилизации для «*Athenaeum*», «*Nineteenth Century*», «*Saturday Review*», «*Macmillan's Magazine*», «*Spectator*» and «*Pall Mall Gazette*». Эти статьи, вместе с несколькими его авторитетными книгами о России — «*Krilof and his Fables*» («Крылов и его басни», 1869), «*The Songs of the Russian People*» («Песни русского народа», 1872), «*Russian Folk-Tales*» («Русские народные сказки», 1873) и «*Early Russian History*» («Древняя русская история», 1874), — принесли ему славу самого выдающегося и разностороннего из современных британских славистов.

Вильям Рольстон очень много сделал для популяризации творчества Тургенева в Британии, прежде всего своим замечательным переводом «Дворянского гнезда» (1859; в переводе Рольстона «*Liza*», 1869), а также своими хвалебными статьями о писателе.⁴ Вероятно, он сыграл также определенную роль в присуждении Тургеневу почетной степени «доктора гражданского права» (*honoris causa*), состоявшегося в Оксфордском университете в 1879 году.⁵ Но его дружба с русским писателем, которая завязалась в 1866 году и находила теплый ответный отклик в самых разных проявлениях, включая приглашение в имение Тургенева Спасское летом 1870 года, граничила с поклонением и иногда воспринималась как небескорыстная. Казалось, он играет роль верного пса, исполняющего мелкие поручения, приносящего трость и газеты и облаивающего недругов хозяина. Это никогда не сказывалось на точности и проникновенности его работ о Тургеневе, но означало, что время от времени он переступал границы хорошего тона.

Когда осенью 1881 года Тургенев посетил Рольстона в его холостяцкой квартире на Элфрид Плейс, 8, недалеко от Британского музея, он нашел своего защитника настроенным как никогда решительно, чтобы представить писателя в литературном сообществе и приумножить его славу. Тургенев скорее всего весьма неохотно согласился появиться на обеде в Клубе искусств, который должен был состояться в субботу 22 октября, после его возвращения из Кембриджшира, и в результате был вынужден отказаться от встречи со своим давним другом Генри Джеймсом, с которым в противном случае, как он полагал, он мог бы пообедать в тот вечер. (На самом деле Тургенев, по-видимому, неправильно истолковал дату, о которой шла речь в письме Джеймса, поскольку Джеймс покинул Англию уже 20 октября и уехал в Америку до

⁴ Среди них: *Smoke* // *Spectator*. 1868. March 28. P. 379—381; *Russian Literature — Turgenief's Novels* // *North British Review*. 1869. March. Vol. 11 (50). P. 22—64; *Terres vierges* // *Spectator*. 1877. June 2. P. 696—697.

⁵ См.: *Waddington P. Turgeniev and England*. P. 252—254.

того, как Тургенев вернулся в Лондон.)⁶ Тургенев нанес визит художнику Форду Мэдоксу Брауну (1821—1893), но не застал романистку Анну Изабеллу Теккерей Ритчи (1837—1919); так же безуспешно он пытался встретиться с тяжело больным Россетти, припомнив «не без волнения» один вечер, проведенный в его доме на Чейни Уок в 1871 году.⁷

* * *

Об обеде, который должен был состояться 22 октября, Рольстон заранее известил в двух разных статьях, вышедших тем же утром. В обширной заметке, опубликованной в «Saturday Review», он сообщал о том, что Тургенев находится в Англии, и назвал его «не только крупнейшим писателем из когда-либо появлявшихся в России, но также одним из величайших ныне живущих европейских романистов». Его произведения, хотя и не получившие столь широкого распространения в Англии, как в Америке, находили высокую оценку и признание везде, где было место подлинной культуре. Его герои жили, двигались и дышали. «В этом отношении, — отмечал Рольстон, — г. Тургенев стоит намного выше некоторых старательных психоаналитиков, которые самым похвальным образом все препарируют, везде суют свой нос и все оценивают. Результаты их работы заслуживают уважения, но это уважение сродни тому, которое мы оказываем трупу». Определяя сильные стороны творчества Тургенева, он особо подчеркнул гармоническое сочетание утонченности и силы. Смерть Базарова (в «Отцах и детях», 1862) и уход Лизы Калитиной в монастырь (в «Дворянском гнезде») служили тому наглядными примерами. Тургенева, конечно же, не раз упрекали в излишней меланхоличности, но в целом эта черта была признана возвышенной. Он никогда не тревожил чувства своих читателей всуе. В «Записках охотника» (1852) он воздержался от изображения темницы или кнута, этих неотъемлемых спутников менее талантливых драматургов. Он был также мастером слова, ему достаточно было лишь нескольких штрихов, чтобы описать человека, дом или русскую степь. В заключение Рольстон обрушился на неудовлетворительные переводы произведений Тургенева на английский язык, которые не давали читателям возможности по достоинству оценить «совершенное владение даром слова». Он особо выделил мгновенно получивший дурную славу перевод романа «Дым» Роланда Кроули (1867; в английской версии «Smoke; or, Life at Baden»), вышедший в 1868, а также появившийся в 1871 году перевод «Накануне» (1860) Чарльза Эдварда Тернера, приба-

⁶ ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 132; *James Henry*: Letters: in 4 vols / Ed. Leon Edel. Cambridge (Mass.); London, 1974—1984. Vol. 2. P. 359—360.

⁷ *Lady Ritchie*. Blackstick Papers. London, 1908. P. 237—238; *Waddington P.* Turgenev and England. P. 282—285; *Fredeman William E.* A Shadow of Dante: Rossetti in his Final Years // *Victorian Poetry*. 1982. Vol. 20. N 3—4 (Autumn—winter). P. 235; *Waddington Patrick*. Russian Interests of the Rossetti Family... Pinehaven, 1998. P. 16—17.

вив, что перевод Кроули был, по крайней мере, убит с первого выстрела, прозвучавшего из другой газеты. Он не упомянул, правда, что этот удар, нанесенный из «Pall Mall Gazette», был выпущен анонимно из-под его собственного пера, равно как и следующий из «Athenaeum»'а, метивший в другую из названных пародий на перевод. Далее он выражал надежду, что новый переводчик, которому Тургенев доверил «несколько своих самых утонченных повестей», среди них «Фауст» (1856) и «Муму» (1854), вскоре завершит свою работу и восстановит справедливость. Вероятно, здесь Рольстон, не называя имени, снова подразумевал самого себя, если только он не имел в виду молодого Сиднея Дугласа Джеррольда (1857—после 1927), барристера, аудитора и литератора, намерение которого перевести несколько его произведений поддержал сам Тургенев. Впоследствии Джеррольд осуществил перевод повестей «Первая любовь» (1860) и «Пунин и Бабурин» (1874), которые вышли в Лондоне в 1874 году (в английском переводе соответственно: «First Love» и «Púnin and Babúrin»). В любом случае, на этот раз ни перевод «Муму», ни перевод «Фауста» в Англии так и не появились.⁸

Гораздо более короткая заметка Рольстона, опубликованная в «Athenaeum»'е 22 октября 1881 года, начиналась нарочито непринужденно: «Английские почитатели г. Тургенева будут рады узнать, что знаменитый русский романист сейчас находится с визитом в нашей стране. В течение последних нескольких дней он имел возможность пополнить запас материалов для нового издания своих восхитительных „Записок охотника“, охотясь на куропаток в знаменитых охотничьих угодьях г. Холла в Кембриджшире. Сегодня вечером (в субботу) он встретится с несколькими представителями английской литературы во время обеда, который, возможно, станет лишь скромной репетицией будущего банкета в его честь».⁹ Тем не менее, далее Рольстон заговорил о «значительном прогрессе» в работе над «будущим романом», над которым Тургенев трудился летом в Спасском, факт, о котором он лишь вскользь упомянул в «Saturday Review».

Он будет посвящен, как и «Новь», тревожным — можно даже сказать, взрывоопасным — явлениям, которые оказывают такое сильное воздействие

⁸ Ivan Turguenief // Saturday Review. 1881. October 22. P. 509—510. Авторство Рольстона, очевидное из содержания статьи, подтверждается также его письмом к Теннисону от 24 октября (см. ниже). См. также: Pall Mall Gazette. 1868. November 27. P. 10; Ibid. 1868. December 5. P. 6; Athenaeum. 1871. February 4. P. 135—136; ПССУП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 337; Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 107; Waddington P. Turgenev and England. P. 246—247.

⁹ Athenaeum. 1881. October 22. P. 529, без подписи. Авторство анонимных заметок, помещенных в «Athenaeum»'е, легко устанавливается, как в данном случае, на основе пометок, сохранившихся в редакционных экземплярах газеты. Благодаря любезности Мэрион Флейшер (Marion Fleisher) мне удалось получить доступ к ним в редакции журнала «New Statesman» в Лондоне; впоследствии они были переданы в библиотеку Городского университета (City University) Лондона.

на русскую мысль и действительность. Но в одном он будет отличаться от других произведений, в которых г. Тургенев поднимал проблемы, ставившие в тупик Европу на протяжении последних двадцати лет. Смысл романа заключается в том, чтобы показать, как резко обозначена граница, как глубока пропасть, разделяющая русский социализм от западноевропейского. Со всей свойственной ему замечательной силой живого изображения г. Тургенев представит перед глазами читателей тех храбрых мужчин и прекрасных женщин, которые искренне посвятили себя делу улучшения тяжелой участи простых людей путем революции, и с присущей одному ему утонченностью раскрывает тайные пружины их нравственного и умственного склада. Он покажет, насколько тщетны усилия русских приверженцев социализма объединиться — даже найти отклик — у революционеров Франции и остальной части Западной Европы, на которых он смотрит как на братьев и сестер по общей борьбе, но от которых его отделяют силы, о существовании которых он едва догадывается и с которыми тщетно сражается.

Выдержки из двух статей Рольстона, которые были доставлены в газеты заблаговременно, появились тем же утром в «The Times» и «Manchester Guardian», а также вечером в «Pall Mall Gazette».¹⁰ Трудно представить, чтобы хоть одна из этих публикаций не попала на глаза Тургеневу до того как он сел за стол, даже если не принимать во внимание, что единственная вырезка, которую Рольстон доподлинно передал Тургеневу, — статья из «Saturday Review» — была преподнесена ему прямо на обеде.¹¹ Будучи человеком скромным и непритязательным, в особенности за границей, Тургенев вряд ли остался доволен как фактом подобной огласки, так и ее подробностями. Он опасался, что ему нелегко будет пережить и сам «скромный» обед, не говоря уже о перспективе «банкета» в неопределенном будущем. Более того, сведения по поводу дальнейших творческих планов могли его серьезно скомпрометировать. Прежде всего, он не испытывал никакого желания расширять будущие «Записки охотника» плачевными результатами охоты в поместье Six Mile Bottom. Во-вторых, известие о том, что он собирается писать новый роман, должно было непременно дойти до его русского издателя М. М. Стасюлевича и, возможно, принудить его к тому, что он предпочел бы на тот момент сохранить в тайне.

Важно, однако, отметить, что Тургенев, по-видимому, придавал большое значение этому замыслу. Все, что о нем сообщает Рольстон, звучит очень убедительно. Из более поздней статьи Рольстона нам известно, что он рассчитывал провести весну и лето 1882 года в Спасском вместе с Тургеневым, наслаждаясь уникальной возможностью переводить новое произведение на английский язык по мере того, как оно создавалось писателем.¹² Во время пребывания в Лондоне в октябре 1881 года Тургенев, по всей видимости, довольно полно обрисовал свои планы относительно будущей работы, даже если на

¹⁰ См. выпуски газет за 22 октября 1881 г.: The Times. P. 4; Manchester Guardian. P. 9; Pall Mall Gazette. P. 7 (vol. p. 1583).

¹¹ Письмо Рольстона к Теннисону от 24 октября 1881 г. (см. ниже).

¹² Ivan Serguéyevitch Tourguénief // Athenaeum. 1883. September 15. P. 338.

этом этапе сюжетная канва романа еще не была разработана им окончательно. Заявление Рольстона о продвижении в работе над романом свидетельствует о том, что Тургенев, по крайней мере, уже трудился (как он обычно это делал) над предварительными набросками — составлением плана романа, предполагаемым списком действующих лиц и диалогами и т. д. Но привлекать к этому общее внимание было еще преждевременно.

Наконец, Тургеневу не могли понравиться язвительные замечания Рольстона в «Saturday Review» по поводу «психоаналитиков». Хотя и не вполне явно в данном контексте, они имели несомненную антифранцузскую направленность и могли быть истолкованы как выпад против покойного соратника и близкого друга Тургенева Гюстава Флобера. К этому времени Рольстону, вероятно, уже было известно о том, что Тургенев сам недавно завершил работу над произведением, посвященным памяти Флобера, «таинственной повестью» «Песнь торжествующей любви» (1881) и — с помощью своего многолетнего друга Полины Виардо — перевел эту повесть на французский язык, намереваясь поместить ее в ноябрьском номере «La Nouvelle revue française» за 1881 год, одновременно с ее появлением по-русски в «Вестнике Европы» Стасюлевича.¹³

* * *

Клуб искусств, в котором состоялся организованный Рольстоном обед, располагался в то время в элегантно-грегорианском особняке на Ганновер Сквер 17, в районе Мэйфейр, недалеко от Риджент Стрит. Он был основан в 1863 году «с целью способствовать общению тех, кто — в силу профессии или личной склонности — связан с искусством, литературой или наукой».¹⁴ Появившись сравнительно недавно среди лондонских джентльменских обществ, этот клуб отличался тем, что вступительный и членский взносы в нем были ниже, чем в большинстве старейших клубов, а роскошное архитектурное убранство делало его привлекательным для людей скромного достатка. Наряду с такими художниками, как Фредерик Лейтон, Валентин Принсеп и Рудольф Леман, полотна которых украшали стены клуба, среди его членов были такие музыканты и музыкальные критики, как сэр Юлиус Бенедикт и Генри Фозерджил Чорли, а также множество второстепенных писателей и беллетристов. После Чарльза Диккенса в числе облюбовавших его посетителей, пользовавшихся особо дурной репутацией, был поэт

¹³ См.: ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 126, 471; *Nouv. corr. inéd.* Т. 1. P. 306—307.

¹⁴ О Клубе искусств см.: *Walford Edward. Old and New London: A Narrative of its History, its People, and its Places.* London, 1875. Vol. 4: Westminster and the Western Suburbs. P. 316; *Dicken's Dictionary of London.* London, 1888. P. 25; *Hudson Derek. Munby, Man of Two Worlds: The Life and Diaries of Arthur J. Munby, 1828—1910.* London, 1972. P. 148 и др.; *Rogers G. A. F. The Arts Club and its Members.* London, 1920, passim.

Алджернон Суинберн, который был вынужден выйти из клуба в 1870 году из-за своих буйных выходок, как, например, танец на цилиндрах членов комиссии (по словам одного недоброжелателя), сопровождавшийся «извержением ругательств и непристойностей».¹⁵

Будучи членом Клуба искусств с 1865 года, Вильям Рольстон часто обедал там, иногда вместе со своим другом, поэтом и адвокатом Артуром Джозефом Манби (1828—1910), и регулярно засиживался до полуночи.¹⁶ Именно Рольстон хлопотал о принятии Тургенева в почетные члены клуба во время его длительного пребывания в Лондоне в период франко-прусской войны 1870—1871 годов. Принимая тогда в члены этого, как было сказано, «романиста и т. д.» (как и «Шарля Гуно из Блэкхета»), комиссия, казалось, была более озабочена поступившими в нее жалобами, вроде: «портер плох», «медок скверный, разбавленный и дорогой», «половина порций супа слишком мала», «чай скверно заварен» и «почему не стильтон?».¹⁷ Вернувшегося спустя десятилетие Тургенева встретил, по всей видимости, секретарь клуба капитан Дж.-Т. Олдфилд, в 7.15 вечера, в ту «ужасно дождливую» субботу 22 октября 1881 года.¹⁸

По собственному признанию, Рольстон организовывал все «в большой спешке». Это частично объясняет то обстоятельство, почему многие из приглашенных на обед в итоге не смогли на нем присутствовать. Как бы то ни было, едва ли он мог действовать иначе, поскольку частые болезни Тургенева и собственные ему перемены в планах означали, что Рольстон не мог себе позволить беспокоить большое количество важных персон до того момента, пока его друг фактически не приехал в страну и не пообещал твердо быть на обеде. Следует признать большой заслугой Рольстона уже то, что стол был накрыт на 16 персон.¹⁹ Среди тех, с кем Тургенев был знаком и кого, по всей видимости, не пригласили, были больной Россетти и изгнанный из клуба Суинберн. Сложно сказать, обращался ли Рольстон к Джорджу Гиссингу или Фрэнку Харрису. Среди тех, кто прислал свои извинения заранее, были А.-Д. Манби, Ричард Холт Хаттон (соиздатель «Spectator»), Вильям Хардман (из-

¹⁵ См.: Hudson D. Op. cit. P. 233—234, 270, 289—290; Waddington Patrick. From «The Russian Fugitive» to «The Ballad of Bulgarie»: Episodes in English Literary Attitudes to Russia from Wordsworth to Swinburne. Oxford; Providence, 1994. P. 175.

¹⁶ Hudson D. Op. cit. P. 296 и др.; Алексеев, Левин. С. 226—227.

¹⁷ Архивы Клуба искусств: книга кандидатов за 1866—1870 гг. (F. 198, 200) и за 1871—1874 гг. (F. 12); книга с повестками заседаний комиссии за 22 ноября 1870 г. и 23 мая 1871 г. Приношу глубокую благодарность Эндрю Фикиту (Andrew Fekete) за возможность ознакомиться с этими сведениями, которую он предоставил мне в 1976 г. в современном помещении клуба на Дувр-Стрит, 40. Я также признателен нынешнему архивисту, Энн Кодисек (Ann Kodicek), за ее любезную помощь и советы.

¹⁸ Описание погоды принадлежит У.-Ю. Гладстону, см.: The Gladstone Diaries / Ed. H. C. G. Matthew. London, 1990. Vol. 10. P. 150.

¹⁹ Athenaeum. 1883. September 15. P. 338; Алексеев, Левин. С. 188. Как будет показано ниже, можно предположить, что в указанное Рольстоном количество присутствовавших на обеде: «всего 16», вошли Тургенев и он сам.

датель («Morning Post»), Джон Морли (издатель «Pall Mall Gazette» и «Fortnightly Review»), Томас Харди, Уилки Коллинз и Альфред Теннисон (телеграммой). По крайней мере, два письма из перечисленных сохранились.

Только ли в данном случае или это относится и ко всем остальным, но Рольстон обратился к романисту и поэту Томасу Харди (1840—1928) всего за четыре дня до обеда.²⁰ Это письмо заслуживает того, чтобы привести его здесь целиком в качестве примера заботы и усилий, которые Рольстон вложил в это событие, а также той почти лихорадочной спешки, которую оно обнаруживает. Необычное (по диагонали) расположение текста на листе бумаги, возможно, явилось следствием хронической и изнуряющей болезни, которую Рольстон называл диспепсия, но оно могло быть также признаком психической неуравновешенности, склонность к которой в последние годы жизни привела его к самоубийству. Упоминаемый в письме Норман Макколл был издателем «Athenaeum»'а.

8 Alfred Place.
Bedford Square.
Oct. 18 1881.

Dear Mr Hardy

Tourguènéff, the Russian novelist, is in Town, or rather will be next Saturday (Oct. 22) when he will dine with me at the Arts Club, 17 Hanover Square, at 7.15, without ceremony and in *Morning Dress*.

I want much to get together a few novelists to do him honour. I had counted on you till I heard from N. MacColl that you are in the Country. If chance brings you to Town, however, on Saturday, I hope you will give me the great pleasure of your presence at this little attempt to do honour to a great foreign writer.

If that is impossible, perhaps you will word your reply so as to give pleasure to Tourguènéff, to whom I will give it. I take it for granted you know his works — my translation of one, for instance, under the name of «Liza».

In greatest haste

Yours very truly
W. R. S. Ralston.

Перевод:

Элфрид Плейс, 8.
Бедфорд Сквер.
18 окт<ября> 1881.

Дорогой г. Харди,

Тургенев, русский писатель, в Лондоне или, вернее, будет здесь в следующую субботу (22 окт<ября>) и тогда же будет обедать со мной в Клубе искусств, Ганновер Сквер, 17, в 7.15, без церемоний и в *визитке*.

Я бы очень хотел собрать нескольких литераторов, чтобы почтить его. Я рассчитывал на вас, пока не узнал от Н. Макколла, что вы за городом. Тем не менее, ес-

²⁰ Письмо хранится в музее графства Дорстер в Дорчестере. Приношу благодарность мистру Р.-Н.-Р. Пирсу, хранителю и секретарю Дорстерского Общества естественной истории и археологии, любезно предоставившему в мое распоряжение копию этого письма.

ли вы вдруг окажетесь в субботу в Лондоне, надеюсь, вы доставите мне величайшее удовольствие своим присутствием на этой скромной попытке воздать честь великому иностранному писателю.

Если же это не в ваших силах, возможно, вы пришлете свой ответ, чтобы доставить удовольствие Тургеневу, которому я его передам. Само собой разумеется, вы знакомы с его произведениями, — например моим переводом одного из них — под заглавием «Лиза».

В огромной спешке

преданный вам

В.-Р.-Ш. Рольстон.

Получив подобное приглашение, Харди ответил самым любезным образом:²¹

The Avenue.
Wimborne, Dorset.
Oct. 20. 1881.

Dear Mr Ralston,

I much regret that a hundred miles & more lie between us, which with other circumstances will prevent my accepting your kind invitation. M. Tourguènéff is a writer whose courage in the choice of subject I admire no less than his power in the treatment of it — & to know him in person would have been a real pleasure. His minor touches of personal description are what particularly charm me, & render his works so interesting when dipped into at random. In the commonest incident he records there is always sure to be something mentioned which one has never thought of before — & which one never afterwards forgets when such an incident practically occurs.

Your excellent translation of «*Liza*» I know — or rather the translation of the «*Дворянское гнездо*» under that name — & it is that I have chiefly in my mind.

Please convey to M. Tourguènéff my best regards & respect; & believe me

Very truly yours

Thomas Hardy.

Перевод:

Авеню.
Уимборн, Дорсет.
20 окт.<ября> 1881.

Дорогой г. Рольстон,

Я очень сожалею, что разделяющие нас сотни миль и более, наряду с другими обстоятельствами, не позволят мне принять ваше любезное приглашение. Г. Тургенев является писателем, чьим мужеством в выборе предмета изображения я восхищаюсь не меньше, чем мастерством его воплощения — и познакомиться с ним лично было бы для меня подлинным удовольствием. Меня особенно пленяют тончайшие мазки присущей только ему манеры письма, которые делают его произведения столь увлекательными, когда вы наугад погружаетесь в них. Даже в самом обыденном событии, за которое он берется, всегда встречается нечто, что вам никогда не приходило в голову — и вы уже никогда не забудете этого, когда подобное произойдет с вами.

²¹ The Collected Letters of Thomas Hardy / Ed. Richard Little Purdy and Michael Millgate. Oxford, 1978. Vol. 1. P. 94.

Я знаком с вашим превосходным переводом «Лизы» — или вернее переводом «Дворянского гнезда» под этим заглавием — и именно его я прежде всего имею в виду.

Прошу вас передать г. Тургеневу мои наилучшие пожелания и поклон. Остаюсь искренне преданный вам

Томас Харди.

Очевидно, что содержание и тон этого письма, хотя и рассчитанные на то, чтобы «доставить удовольствие», носят искренний характер и имеют непосредственное отношение к любопытному вопросу о том, мог ли Тургенев повлиять на творчество Харди. Эдмунд Госс и Хейвлок Эллис были одними из многих комментаторов, которые обратили внимание на сходство творческих принципов обоих писателей.²² Оба обращаются к теме незначительности нашего существования во вселенной, которая, казалось бы, существует только для нас одних. Оба смотрят на сельскую жизнь объективно и с сочувствием. Семейное предопределение и судьба лежат в основе их сюжетов, а образы запертых в клетку птиц, цапель, пеликанов и муравьев используются обоими писателями в качестве символов. Природа представляется обоим прекрасной, но жестокой.

По-видимому, Харди мог познакомиться с творчеством Тургенева уже к 1874 году, когда он упрочил свою собственную славу романом «Вдали от обезумевшей толпы». «Лиза» Рольстона была опубликована в Лондоне в 1869 и переиздана в Нью-Йорке в 1872 году Генри Голтом. Обращаясь к Харди в июле 1873 года по поводу книги писателя, которую он намерен был поместить в серии «Час досуга» («Leisure Hour»), Голт перечислил названия нескольких других книг из этой серии, среди которых рекомендовал и произведения Тургенева. «Убежден, — писал он, — что <...> доставлю вам этим настоящее удовольствие».²³ Помимо «Дворянского гнезда», в «Часе досуга» к тому времени вышли «Отцы и дети» в переводе Юджина Скайлера («Fathers and Sons», 1867, 1872), «Дым» в переводе Вильяма Веста («Smoke», 1872), «Рудин» (1856) в переводе неизвестного автора («Dimitri Roudine», 1873), а также переиздание романа «Накануне» в переводе Тернера («On the Eve», 1873). В течение нескольких последующих лет Голт добавил к ним переводы «Вешних вод» (1872) Софии Мичелл Баттс («Spring Floods», 1874), «Степного короля Лира» (1870) В.-Г. Броуна («A King Lear of the Steppe», 1874) и «Нови» Т.-С. Пери («Virgin Soil», 1877). Рекомендация, данная Голтом романам писателя в письме к Харди, согласуется с тем, что Рольстон впоследствии написал об американском издателе в связи с самим Тургеневым: «Несколько лет назад г. Генри Голт из Нью-Йорка прислал ему чек, прося принять это как слабый знак признательности и

²² См.: Thomas Hardy: The Critical Heritage / Ed. R. G. Cox. London, 1970. P. XXXIV, 121, 170, 274.

²³ Цит. по: Weber Carl J. Hardy in America: A Study of Thomas Hardy and his American Readers. New York, 1966. P. 17.

прибавляя, что никогда ни одно из издаваемых им сочинений не доставляло ему такого наслаждения, как переводы романов Тургенева. Тургенев был искренне восхищен этим неожиданным признанием его таланта за океаном, как будто бы он был почти неизвестным писателем, а не романистом, произведения которого были переведены, по меньшей мере, на все ведущие языки Европы». ²⁴

Очевидно, именно «Час досуга» Голта имел в виду Рольстон, когда говорил в 1881 году о широкой известности Тургенева в Америке. Нет никаких свидетельств относительно других романов Тургенева — помимо «Лизы», — которые мог читать Харди, но из его письма к Рольстону явствует, что с какими-то из них он был знаком. Некоторые из перечисленных Голтом произведений были, однако, переведены плохо, и Харди мог получить о них неверное представление. Нельзя сказать также, что он последовательно знакомился с творчеством Тургенева на протяжении длительного времени, поскольку в 1898 году он писал другу: «Тургенев, несомненно, настоящий художник, хотя прошло уже несколько лет с тех пор, как я читал кое-какие его произведения». ²⁵ В сохранившихся описях книг, которые когда-то находились в библиотеке Харди, ²⁶ не удалось найти никаких следов произведений Тургенева — даже «Лизы». И все же несомненный интерес Харди к Тургеневу, возможно, предопределил его увлечение (о котором сохранилось больше свидетельств) другим русским писателем, еще более поглощенным проблемой человеческой судьбы, а именно Л. Н. Толстым. ²⁷

Еще один известный нам существенный отклик, который Рольстон смог зачитать своим гостям, принадлежал Уильяму Уилки Коллинзу (1824—1889), автору «Женщины в белом» (1860) и «Лунного камня» (1868). Коллинз был очень популярен в России, и считается, что Тургенев прочел оба этих романа. Однако он раскритиковал их (как и некоторые произведения любимого им Диккенса) как «дюмасовщину». Этим он, очевидно, хотел сказать, справедливо или нет, что находит в них бьющую на эффект мелодраматичность и пренебрежение исторической действительностью, что в их принадлежности к так называемой «сенсационной литературе» много общего с романами Александра Дюма-отца. ²⁸ Мы не располагаем сведениями о том, что Тургенев размышлял об очевидных достоинствах романов Коллинза,

²⁴ Athenaeum. 1883. September 15. P. 337.

²⁵ The Collected Letters of Thomas Hardy. Vol. 2. P. 198; ранее: One rare Fair Woman: Thomas Hardy's Letters to Florence Henniker, 1893—1922 / Ed. Evelyn Hardy and F. V. Pinion. London, 1972. P. 68.

²⁶ Сведения были предоставлены мне профессором Майклом Милгейтом в письме от 18 сентября 1978 г.

²⁷ См.: Clifford Emma. «War and Peace» and «The Dynasts» // Modern Philology. 1956. Vol. 54. August. P. 33—34; Захаров В. В. Л. Н. Толстой и Томас Гарди: Русские сцены в «Династах» // Русско-европейские литературные связи. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 197—205; а также главу 12 «Hardy and Tolstoy» в кн.: White R. J. Thomas Hardy and History. London, 1974.

особенно о свойственных им напряжении, тонком чувстве персонажа и среды, завуалированных оценок общественной жизни и зачастую причудливом юморе. Коллинзу, как и Харди, не суждено было лично встретиться с Тургеневым (хотя его брат, художник Чарльз Коллинз встречался с ним во время приема в Лондоне в 1871 году).²⁹ Маловероятно, что русская литература оказала большое влияние на его собственное крайне оригинальное творчество, но из публикуемого ниже письма становится очевидным, что он, так же как и Харди, был знаком с некоторыми произведениями Тургенева, начиная с «Лизы» в переводе Рольстона.³⁰

[ornate embossed initials
WC, with transverse quill]

[printed address:]
90, Gloucester Place,
Portman Square, W.
20th October 1881.

Dear Mr Ralston,

I don't remember whether Dante's Hell includes among its tortures Gout in the Eyes. If the Divine Poet has not anticipated me, I may claim without presumption to have invented an infernal circle of my own, and to have suffered in it lately for more than three months. My sight is saved — and I am steadily on the way to recovery. But to my sincere regret, I am not yet quite strong enough to take my place at your table on Saturday next. It is really a disappointment to me to miss the opportunity of meeting Mr Tourgèneff, and of thanking him for the happy hours that I owe to his masterly and delightful pen. Do you remember kindly giving to me your translation of one of his most subtly and delicately treated stories? Incautiously opening the book, with a hard day's work before me, I scattered «the materials of our craft» to the winds, and spent the day with «Lis».

Be my good friend still — and accept my thanks and my excuses.
Ever yours

Wilkie Collins.

W.-R.-S. Ralston Esq.

Перевод:

[тисненные инициалы WC
с завитками и пересекающим их пером]

[штамп с адресом:]
Глостер Плейс, 90,
Портман Сквер, W.
20-е октября 1881.

Дорогой г. Рольстон,

Не помню, включает ли Ад у Данте среди мучений подагру глаз. Если Божественный Поэт меня не опередил, то я могу без лишней скромности заявить, что избрел свой адский круг, в котором промучился уже более трех месяцев. Мое зрение

²⁸ Щербань Н. В. Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875) // *РВ*. 1890. № 8 (Август). С. 15; *ПССиП(2)*. Письма. Т. 6. С. 255.

²⁹ См.: *Waddington P. Turgenev and England*. P. 177

³⁰ Письмо хранится в библиотеке (Armstrong Browning Library) университета Бэйлора в г. Уэйко (Техас). Хочу сердечно поблагодарить бывшего библиотекаря этого университета госпожу Бетти А. Коули (впоследствии Фридман) за предоставленное мне позволение опубликовать это письмо, а также за ее любезную помощь и поддержку на протяжении многих лет. Возможно, что обнаружатся и другие письма Коллинза к Рольстону, см.: *Алексеев, Левин*. С. 257.

спасено — и я на верном пути к выздоровлению. Но, к своему искреннему сожалению, я еще недостаточно окреп, чтобы присутствовать за вашим столом в следующую субботу. Я очень огорчен тем, что упускаю возможность познакомиться с г. Тургеневым и поблагодарить его за те счастливые часы, которыми я обязан его мастерскому и восхитительному перу. Помните ли вы, как любезно послали мне свой перевод одного из его самых тонко и искусно написанных произведений? Неосторожно открыв книгу, в то время как мне еще предстоял полный трудовой день, я распрощался с «принадлежностями нашего ремесла» и провел день с «Лизой».

Оставайтесь и впредь моим верным другом — и примите выражение моей благодарности и мои извинения.

Весь ваш

Уилки Коллинз.

В.-Р.- Ш. Рольстону, эск<вайру>.

По крайней мере еще один английский писатель принес свои извинения Рольстону в том, что не сможет присутствовать на обеде, хотя скорее по проществу, а не накануне самого обеда. Это был поэт Роберт Браунинг (1812—1889). Хотя его, несомненно, также попросили «доставить удовольствие» Тургеневу, вряд ли он чувствовал себя обязанным сделать это, и все же его письмо из *Albergo dell'Universo* исполнено теплоты:³¹

Venice, Oct. 24, '81.

Dear Mr Ralston,

I have only just received your letter — you will readily have guessed that my delay in replying to it could only be caused by my absence from London. How much I should have enjoyed an opportunity of again seeing Mr. Tourgueneff — anybody who ever *did* see him will easily imagine: and I am grateful indeed for your invitation to share in the privilege, though prevented from profiting by it: — and profiting also by your own «Reading» next Saturday, as I would gladly do were I able to return so soon: I hope to find myself back again at the beginning of November, however. And, abroad or at home,

believe me ever, Dear Mr Ralston,

Yours very truly

Robert Browning.

³¹ Письмо хранится в библиотеке (Armstrong Browning Library) университета Бэйлора в г. Уэйко (Техас). И снова я хочу поблагодарить бывшего библиотекаря этого университета госпожу Бетти А. Коули за предоставленное мне позволение опубликовать это письмо. См. также: *Waddington P. Browning and Russia*. P. 50—51; *Kelley Philip, Hudson Roland. The Brownings' Correspondence: a checklist*. New York, 1978. P. 418. Прочтение: «Tourgueneff» вызывает некоторые сомнения; возможно, Браунинг написал: «Tourqueneff».

Дорогой г. Рольстон,

Я только что получил ваше письмо — как вы без труда догадались, промедление с ответом могло быть вызвано лишь моим отсутствием в Лондоне. Каждый, кто хоть однажды *встречался* с г. Тургеневым, легко себе может представить, насколько я был бы рад случаю вновь видеть его: и я очень благодарен за ваше приглашение разделить эту честь, хотя и лишен возможности воспользоваться ею, — равно как и получить удовольствие от вашего «Чтения» в следующую субботу. Я бы охотно исполнил это, если бы был в состоянии вернуться так скоро: я рассчитываю, однако, возвратиться в начале ноября. Дорогой г. Рольстон, остаюсь

искренне преданный вам

Роберт Браунинг.

То, что Браунинг пропустил обед, вряд ли сильно расстроило Тургенева. Если судить по тому, что он однажды сказал Томасу Карлейлю, он был невысокого мнения о сочинениях поэта.³² Его личные отношения с Браунингом также не сложились. Они встречались во время субботних приемов в доме Полины Виардо в Лондоне зимой 1870—1871 года, а затем позднее в Питлокри. В раскаленной атмосфере франко-прусской войны у них не было точек соприкосновения и в отношении политики: в то время как симпатии Тургенева были на стороне растоптаных французов, Браунинг находил утешение в том, что немцы нанесли им окончательное поражение.³³ Очень может быть, что не существует достоверного подтверждения тому, что Тургенев находил рукопожатие Браунинга сродни электрическому удару,³⁴ но со временем он стал считать поэта «слишком тщеславным», «не слишком приятным» и даже просто «скучным».³⁵ Причины не вполне ясны, и с литературно-исторической точки зрения в каком-то смысле обидно, что Браунингу так и не представился случай раскрыть перед Тургеневым свой истинный характер.

С Рольстоном все обстояло иначе. Как и с некоторыми другими писателями, которые были приглашены на этот обед, Рольстон поддерживал дружескую переписку с Браунингом на протяжении ряда лет. Его внешне нарочитое, но на деле подлинное самоуничижение перед подобными людьми заметно в письмах, которыми они обменялись в 1874 году, когда Рольстон извинился, а его корреспондент простил его за «навязывание своего малозначительного труда» своему вниманию.³⁶ «Чтение», о котором одобрительно упомянул Браунинг, было одним из примеров знаменитого «рассказывания историй», которые Рольстон

³² *New Letters of Thomas Carlyle*: in 2 vols / Ed. Alexander Carlyle. London; New York, 1904. Vol. 2. P. 272, письмо Карлейля к своему брату Джону от 26 ноября 1870 г.

³³ *Dearest Isa: Robert Browning's Letters to Isabella Blagden* / Ed. Edward C. McAleer. Austin; Edinburgh, 1951. P. 360.

³⁴ См., напр.: *Henderson Philip*. Swinburne: The Portrait of a Poet. London, 1974. P. 148—149.

³⁵ *ЛССуП(2). Письма*. Т. 11. С. 118—119.

³⁶ *Kelley Ph., Hudson R.* Op. cit. P. 417—418.

практиковал в просветительских и благотворительных целях, в данном случае в школе для работниц на Фицрой Стрит. Темой чтения должна была стать смелая поэма М. Ю. Лермонтова в народном духе «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», перевод которой Рольстона будет опубликован 8 лет спустя под заглавием «The Song of Ivan Vasilyevich. A Russian Metrical Romance».³⁷

Из трех известных нам ведущих издателей, которые отказались или по какой-то причине не присутствовали на обеде Рольстона, самым известным и влиятельным был, несомненно, Джон Морли (впоследствии виконт; 1838—1923). Одновременно руководя «Pall Mall Gazette» и «Fortnightly Review», он был также адвокатом, а впоследствии известным либеральным политическим деятелем. В качестве автора книг о французских писателях и недавно опубликованной «Жизни Ричарда Кобдена» он имел литературные притязания не только журналистского порядка. Как и Тургенев, он был сторонником постепенного развития в истории и политике. Однако он никогда не проявлял живого интереса к русской культуре, а в настоящее время его внимание целиком поглощали ирландские дела. В обширных «Воспоминаниях» Морли нет упоминания ни о Рольстоне, ни о Тургеневе.³⁸

Принимая во внимания частоту выхода в свет «Pall Mall Gazette», а также то обстоятельство, что она уже возбудила аппетит читателей в самый день обеда, несколько удивительным кажется молчание газеты Морли относительно того, как прошел вечер, хотя впоследствии там был помещен замечательный некролог Тургенева. Вряд ли он принадлежал перу самого Морли — скорее это была работа человека, который знал Тургенева лучше него, — но он совпадает с теми впечатлениями, которые могли получить присутствовавшие на обеде. Говоря об «импозантной фигуре» и «внушительной наружности» Тургенева, автор особо подчеркнул «обаяние его безупречных манер, редкое и пленявшее обращение, которое соединяло в себе исключительно изысканную учтивость и искреннюю простоту. Он был необыкновенно милым человеком, и лишь немногим удалось устоять перед его обаянием».³⁹ Что касается «Fortnightly Review», то это издание вовсе не отозвалось о Тургеневе, ни после обеда, данного Рольстоном, ни после смерти писателя, но в 1888 году в нем было напечатано замечательное исследование о Тургеневе Джорджа Мура,⁴⁰ а в 1894 году вышли переводы повести «Фауст» и статьи «Гамлет и Дон Кихот», выполненные Леной Милман.⁴¹

³⁷ Алексеев, Левин. С. 188—189; Universal Review. 1889. March 15. Vol. 3. P. 388—404.

³⁸ Morley John Viscount. Recollections: in 2 vols. London, 1917.

³⁹ Ivan Turgenieff // Pall Mall Gazette. 1883. September 6. Vol. 38. P. 1—2.

⁴⁰ Turgueneff // Fortnightly Review. 1888. February. Vol. 43. P. 237—251.

⁴¹ Faust: A Story in Nine Letters // Fortnightly Review. 1894. July 1. Vol. 62. P. 132—160; Hamlet and Don Quixote // Ibid. 1894. August 1. P. 191—205.

Никакого отношения ни к Рольстону, ни к русской литературе не имел впоследствии журналист Вильям Хардман (затем сэръ Вильям), издававший с 1872 года до своей смерти газету «Morning Post». ⁴² У меня не было возможности обследовать выпуски этой официальной газеты, выходявшие в течение последовавшей за обедом недели (поскольку экземпляры ее крайне редки), но, по-видимому, осенью 1883 года она полностью проигнорировала смерть Тургенева. Необходимо отметить, однако, что «Morning Post», как и газету «Morning Advertiser», которая также не известила о кончине Тургенева, отличали агрессивная анти-русская направленность и одновременно слабый интерес к искусству. Более огорчительно отсутствие какой-либо ответной реакции со стороны математика и унитария Р.-Х. Хаттона (1826—1897), автора работ по геологии, литературе и экономике, а также соиздателя журнала «Spectator». Этот орган, при содействии самого ли Хаттона или кого-то другого, одним из первых в Британии стал публиковать рецензии на произведения Тургенева и поместил две значительные статьи о нем Вильяма Рольстона. ⁴³ Однако он обошел полным молчанием обед в Клубе искусств и позднее опубликовал довольно двусмысленный некролог Тургенева, принадлежавший молодому ирландцу Фрэнку Харрису (1856—1931), которому русский писатель оказал доброжелательный прием в Буживале в 1880 году. ⁴⁴

(Окончание следует)

⁴² К сожалению, изданные письма и воспоминания Хардмана (A Mid-Victorian Pepus: The Letters and Memoirs of Sir William Hardman / Ed. S. M. Ellis. London, 1923) доходят только до 1863 г.

⁴³ См. рецензии на «Записки охотника» («Russian Life in the Interior»), французское («Une niche de gentilshommes») и английское («Liza») издания «Дворянского гнезда», соответственно: 1855. January 6. P. 27; 1861. October 19. P. 1151—1152 и 1869. October 23. P. 1242—1243; *Ralston W. R. S. Smoke* // *Spectator*. 1868. March 28. P. 379—381 (авторство подтверждается самим Тургеневым, см.: *ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 167); *Ralston W. R. S. Terres vierges* // *Spectator*. 1877. June 2. P. 696—697 (авторство устанавливается на основе архива журнала «Spectator»).

⁴⁴ См.: *Harris Frank. Ivan Tourgénéief* // *Spectator*. 1883. September 8. P. 1150—1152 (авторство устанавливается на основе архива журнала «Spectator»); *Harris Frank. Ivan Turgénéief: A Snapshot* // *Contemporary Portraits*. 4th series. London, 1924. N 3. P. 49—53; *Waddington Patrick*. (ed.) *Ivan Turgenev and Britain*. P. 139—141, 270—271.